

Мастер Вселенной

После непрерывной дискуссии в течение трех дней один из ее участников сообщил о новом рекорде. На веб-сайт немецкого компьютерного иллюстрированного журнала ()* пришло 1000-е электронное сообщение на тему «Человек, облагороженный генной инженерией» — эксклюзивный рекорд даже для столь интенсивно работающего форума. Что же произошло? А просто один физик всего лишь высказал свое личное мнение о генетической перестройке *Homo sapiens*. Но поскольку тем физиком был автор «Краткой истории времени», пожалуй, самой известной научно-популярной книги XX столетия, это — скорее всего вскользь прозвучавшее во время интервью — мнение о шансах генной инженерии превратилось в средствах массовой коммуникации в пророчество мирового масштаба.

И случилось это благодаря Стивену Хокингу, профессору теоретической физики и руководителю Лукасовской кафедры в Кембриджском универси-

* Данные в скобках соответствуют ссылке на литературу: буквенные ссылки с номерами страниц и без них указывают на цитируемую литературу, ссылки со значком относятся к дополнительной литературе по данной теме, ссылки со значком указывают на веб-сайты, а ссылки со значком с указанием страниц — на соответствующую страницу данной монографии.

тете. В начале сентября 2001 года в эксклюзивном интервью по случаю выхода своей новой книги в Германии он говорил о присущем людям инстинкте агрессии, стойкое влияние которого на поступки индивидуумов и народов перед лицом растущей опасности атомного оружия отнюдь не свидетельствует о превосходстве интеллекта человека над интеллектом других обитателей Земли. Естественный отбор — слишком медленный процесс в борьбе со склонностью к агрессии, поэтому, как пишет Хокинг, целенаправленное изменение наследственности средствами генной инженерии становится неизбежным. Но такое вмешательство займет слишком много времени, а ведь придуманные человеком роботы между тем могут взять верх над людьми и захватить власть. Чтобы избежать этой опасности, мы должны, пишет ученый, «как можно скорее разработать методы, позволяющие осуществлять прямую связь между мозгом и компьютером, чтобы искусственный мозг способствовал развитию человеческого интеллекта, а не противостоял ему» (Фос).

ИГРА В ПОКЕР С ЭЙНШТЕЙНОМ

В то время как на интернет-форуме шли жаростные бои между сторонниками и противниками генетических методов усовершенствования человека, в свет вышла новая книга Хокинга «Мир в ореховой скорлупке». В ней Хокинг поясняет: «Конечно, улучшение нескольких человек вызовет большие социальные и политические проблемы — ведь в обществе останется большое количество неулучшенных людей. Я не собираюсь восхвалять изменение человека под воздействием генной инженерии, а

хотел бы лишь констатировать, что оно непременно произойдет, хотим ли мы этого или нет» (Nus: 173).

Для ученого, который в качестве гостя уже играл в покер в одном из эпизодов «Звездного пути» с Исааком Ньютоном, Альбертом Эйнштейном и командером андроидом Дейта на звездолете «Энтерпрайз», и который описал опасные путешествия во времени через кротовые норы, такие высказывания вряд ли могут быть случайными. Тот, кто думает о начале и будущем Вселенной или о ее колонизации, уже наверняка слышал о возможных последствиях исследований в области генной инженерии и конечно же занял по этому вопросу четкую позицию.

Слова Хокинга привлекли внимание мировой общественности. Кто этот человек, публичные высказывания которого расцениваются как пророчества, распространяются ушлыми репортерами по всему миру, критикуются — иногда конструктивно, а иногда просто безжалостно — его коллегами-учеными? Кто он — этот физик, почти достигший статуса поп-звезды, отношение к которому в публике меняется от откровенного недоброжелательства (NZZ) до безграничного почитания как мастера Вселенной» (MaU)? Каково его место в современной культуре?

Парализованный и заключенный в измученное болезнью тело, Стивен Хокинг, жертва бокового амиотрофического склероза (БАС), талантливый ученый и глубокий мыслитель, находясь в полном сознании, сидит в своем электрическом кресле-коляске. Он может шевелить лишь двумя пальцами левой руки. Его лицевые мышцы допускают только минимальные движения глаз и губ, что дает возможность хоть какого-то общения с людьми. Сегод-

ня его знает весь мир — слегка наклоненная голова с широкой улыбкой... Шрам на шее указывает на разрез трахеи, который в разгаре работы над книгой «Краткая история времени» спас его от смерти (тогда он заболел тяжелейшим воспалением легких), но навсегда лишил голоса. Прикрепленный к его креслу-коляске монитор — часть синтезатора речи, с помощью которого он говорит, высказывает свои мысли об облагораживании человека или пишет статьи и книги о черных дырах и начале времен. Стивен Хокинг был первым физиком, задавшим вопрос о том, можно ли при помощи уравнений общей теории относительности Альберта Эйнштейна раскрыть тайну возникновения времени. Является ли оно постоянно текущим потоком, беспрепятственно движущимся сквозь Вселенную от планет и галактик? Будет ли оно длиться вечно? И можно ли, исследуя начало времени, объяснить начало и причину возникновения Вселенной?

КОГДА БОГ ПОРОДИЛ МИР

Когда точно начались схватки, неизвестно, но ровно в 18 часов средневропейского времени оно, время, появилось на свет. Это произошло 22 октября, в субботу, в 4004 году до Рождества Христова. Тогда Бог породил мир. Этой на удивление точной дате мы обязаны выдающемуся библеисту XVII века, ирландскому архиепископу Джеймсу Ашшеру. Двадцать лет своей жизни он посвятил исследованию возраста Земли, в невероятных обстоятельствах отыскивал на Ближнем Востоке старинные манускрипты, изучал их, натываясь все на новые и новые имена и даты, суммировал продолжительность жизни библейских

патриархов, потомков Адама. И вот — смотрите: усилия его оправдались, и результаты вычислений заняли свое место в официальной доктрине англиканской церкви.

АБСОЛЮТНОЕ ВРЕМЯ

В иудаизме считается, что когда бог создал мир, тогда и начался ход времени. Идея эта была подхвачена христианством, а в V веке знаменитый проповедник Августин придал ей статус догмы, из которой неизбежно вытекало следующее: до Адама и Евы времени быть не могло. Зато потом время шло, неудержимо приближаясь к Судному дню, суду Божьему.

Еще до епископа Ашшера находилось много умных людей, достаточно тщеславных для того, чтобы на основе библейских сведений попытаться рассчитать день создания Земли — а вместе с тем и начало Вселенной. То, что они при этом приходили к разным результатам (Лютер называл 4000 год до н. э., а Кеплер — 3992-й), частично объяснялось разными числами в иудейской и греческой версиях библии.

Великий Исаак Ньютон (кстати, один из предшественников Хокинга на Лукасовской кафедре в Кембридже) опубликовал свои знаменитые «Начала» почти за 300 лет до появления «Краткой истории времени». Случилось это знаменательное событие в 1687 году. В своем труде Ньютон постулировал абсолютную равномерность времени, которое, независимо от событий, происходящих в пространстве, растягивается в вечности — в прошлом и в будущем. Кто знает, как бы оценил эту концепцию Августин, ведь по Ньютону Бог уже половину вечности до акта Сотворения ничем не был занят, да и во второй половине

будет совершенно свободен, если не считать того, что где-то на пути к вечности Ему придется возглавить заседание Страшного суда.

ОТ СОЛНЕЧНЫХ ЧАСОВ К АТОМНЫМ

Несмотря на различия в мировоззрении и разногласия по вопросу о происхождении времени, люди всегда стремились к тому, чтобы его измерить, например определить интервал между завтраком и обедом. Поначалу они это делали по длине тени.

В то время как древние германцы, обитавшие в диких лесах, выбрали весьма изнурительный путь — они перекатывали огромные ледниковые валуны в скудные прогалины, чтобы с их помощью зафиксировать движение Солнца, счастливые жители Средиземноморья, живя в зоне устойчивого солнечного освещения, пытались сконструировать солнечные часы, измеряя длину теней. Солнечные часы, эти изящные высокотехнологичные по тем временам приборы, превратились в Римской империи в эпоху раннего христианства в вожаделенные атрибуты престижа и аристократического стиля жизни. Неисчислимые попытки по созданию более надежных инструментов для измерения времени привели, наконец, к невероятно удачному варианту — дырявому ведру, которое возвышенно именовалось водяными часами, затем — к песочным часам, далее — к механическим часам и механизмам температурной компенсации и наконец — к созданию цезиевых атомных часов. Таким образом, потребовалось почти 2000 лет, чтобы на смену зависящей от погоды игры теней солнечных часов пришла точность контролируемого распада радионуклида. Итак, с 1967 года

определение важнейшей единицы времени звучит так: «Секунда — это 9 192 631 770-кратная продолжительность периода излучения, соответствующего переходу между обоими уровнями гипермелкой структуры базового состояния нуклида цезия ^{133}Cs соответствующего излучения». Выражаясь иными словами и несколько более понятным языком, можно сказать так: в течение одной секунды атом цезия перескакивает от одного возможного энергетического состояния к другому более 9 миллиардов раз. А поскольку этот процесс можно измерить настолько надежно, как ничто иное в мире, он и был выбран для определения продолжительности одной секунды.

Продолжающийся и сегодня поиск естественного хронометра, способного установить истинный возраст материи, а вместе с тем, возможно, и начало времени, заставил ученых усомниться в авторитете священных текстов. Уже довольно давно знания о природе человечество получает с помощью научной методики, а потому ученые быстро пришли к выводу, что геологические эпохи должны были длиться намного дольше, чем это следовало из расчетов Ашшера.

РАДИОМЕТРИЧЕСКИЙ МЕТОД ДАТИРОВКИ

Когда Анри Беккерель на рубеже XX столетия открыл радиоактивное излучение урана, лорд Кельвин оценил примерный возраст Земли в 20–400 миллионов лет. Мария и Пьер Кюри на протяжении четырех лет без защитных приспособлений перерабатывали урановую смоляную руду, экстрагировали и очищали свою «*substantia nigra*» до тех пор, пока не нашли новый элемент, который они назвали

радием. Его образцы они неосторожно отправили по почте. Иногда супруги Кюри входили в свою неосвещенную лабораторию и с удивлением смотрели на слабое магическое свечение в бутылках, чашах и бочках. Источником свечения был радиоактивный радий. Радиоактивное облучение стало причиной апластической анемии (лейкемии), убившей Марию Кюри. «Даже спустя сто лет лабораторные заметки Марии Кюри столь опасны, что хранятся в ящиках, обитых свинцом» (Sac: 324).

В 1905 году работавший в Кембридже новозеландский физик Эрнест Резерфорд разработал метод, позволяющий с помощью радиоактивности определить точный возраст земных пород. Итак, свершилось: наконец появился естественный хронометр для точного определения даты рождения Земли, поиски которого велись на протяжении нескольких столетий. Это произошло как раз в тот год, когда Альберт Эйнштейн усомнился в абсолютном характере времени и изложил на бумаге свои столь непривычные для обыденного сознания мысли об относительности движения и часах, по-разному тикающих в четырехмерном пространстве-времени (■₃₃₋₄₀).

ВОЗРАСТ ЗЕМЛИ

Уже в результате первых, приблизительных опытов с радиометрическим методом датирования Резерфорд сумел установить возраст породы из Норвегии — он был равен 40 миллионам лет. А ведь по поводу установленного Ашпером дня рождения Земли — 22 октября 4004 года до Рождества Христова — в академических кругах велись серьезные дискуссии еще в двадцатые годы прошлого века! Потребовалось

почти полстолетия для того, чтобы идея Резерфорда была усовершенствована до такой степени, что геохимику Клеру Патерсону в 1953 году удалось определить возраст Земли, используя радиоактивный распад урана. Уже одна только разработка необходимых лабораторных методик и достижение достаточно чистых условий процесса измерений потребовали два полных года труда. Но зато был получен результат, актуальный и по сей день: итак, возраст Земли составляет 4,5 миллиардов лет (MEt: 259–261).

Царство ребенка

Вечность есть играющее дитя,
которое расставляет шашки:
царство над миром принадлежит ребенку.

Гераклит

С лета 1940 года до весны 1941 года немецкие военно-воздушные силы, чтобы обеспечить себе превосходство в воздухе перед планируемым вторжением в Великобританию, совершали мощные атаки на юг Англии и Лондон. Те, кто находился в эти страшные месяцы в столице, уже не могли чувствовать себя в безопасности. Вот и Изабель Хокинг пришлось испытать разрушительную силу немецких бомб — одна из них взорвалась неподалеку от дома в предместье Хайгейт, где она жила со своим мужем Фрэнком. Окна лопались, а осколки стекла торчали в стене напротив, как острые кинжалы (SHW: 15). И хотя во время беременности Изабель бомбардировки прекратились, супругам Хокинг очень хотелось, чтобы их первенец появился на свет в Оксфорде. В этом старинном университетском городе было тогда вполне безопасно — между воюющими нациями существовала договоренность о том, что немцы не тронут Оксфорд и Кембридж, а британские Королевские военно-воздушные силы в свою очередь пощадят Гёттинген и Гейдельберг.

Изабель выросла в Глазго. У нее было шесть братьев и сестер. Ее отец, врач и весьма прогрессивно мыслящий человек, дал своей дочери возможность учиться в Оксфорде, хотя с точки зрения финансов это ему далось непросто. Надо заметить, в 1930-е годы девушек среди студентов английских университетов было очень мало! Изабель изучала в Оксфорде философию, политику и экономические науки. Получив диплом, она начала трудиться, однако работа не доставляла ей никакого удовольствия; в качестве служащей финансового учреждения она продержалась всего лишь несколько месяцев. В конце концов, она приняла решение устроиться секретарем в одном медицинском научно-исследовательском институте, хотя это и не было тем местом, о котором могла мечтать выпускница Оксфорда.

300 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЯ

Если родственники Изабель жили весьма скромно, то в семействе отца Стивена, Фрэнка Хокинга, все хорошо знали, что такое нужда. В начале XX века родители Фрэнка обанкротились, однако им все же удалось найти деньги на учебу Фрэнка. Он отправился в Оксфорд, как и через несколько лет его будущая жена. Фрэнк изучал медицину и специализировался на тропических болезнях. Позже он занимался научно-исследовательской работой в Восточной Африке. Когда началась Вторая мировая война, Фрэнк вызвался пойти добровольцем в армию, однако английские власти посчитали, что его опыт и талант специалиста в области тропических болезней невероятно ценны, а потому направили его работать в научно-ис-

следовательский институт. Там он и встретил Изабель, которая занималась составлением писем и составляла папки с бумагами на полках (Bio: 15–17).

За неделю до рождения Стивена Изабель одна отправилась в Оксфорд, в больницу. Она коротала время, изучая астрономический атлас, что много лет спустя, в свете карьеры ее сына, одна из ее соучениц интерпретировала как знак провидения.

Стивен Хокинг родился 8 января 1942 года. В тот же день мир отмечал знаменательную дату — 300-летие со дня смерти Галилео Галилея. То, что Хокинг впоследствии нашел это совпадение достойным упоминания, стало пищей для критиков, считающих, будто он видит тут некую закономерность и, рассматривая себя как последователя великого ученого, демонстрирует наглую заносчивость. А вот для его сторонников это совпадение даты рождения одного и смерти другого великого ученого имеет некую притягательную силу, которая порождает всяческие мифы. Тот, кого это забавляет, занимает совершенно правильную позицию, но тот, кто верит в судьбу и предназначение или приписывает подобное Хокингу, сам несет за это ответственность. Через четыре года после выхода в свет книги *«Краткая история времени»* сам он дает следующий иронический комментарий: «Полагаю, в этот день родилось приблизительно еще двести тысяч других детей. Я не знаю, проявил ли кто-нибудь из них впоследствии интерес к астрономии» (SHW: 16).

До 1950 года маленький Стивен рос в доме в викторианском стиле, который его родители во время войны по дешевке купили в академическом квартале Хайгейт. Когда немецкие ракеты «Фау-2» прочертили свои грозящие смертью параболаы в небе над Лондоном, цены на недвижимость в городе рез-

ко упали. В два с половиной года Стивена отдали в детский сад, где он должен был приобрести первый опыт общения с чужими детьми; его образованные родители почерпнули из книг, что 2,5 года — как раз нужный момент для начала социальных контактов. Однако будущий «Чародей Космоса» так орал в свой первый детсадовский день, что Изабель и Фрэнк отважились отправить его туда снова лишь через полтора года.

В частной Байроновской школе в обучении ставились другие акценты, нежели в государственной начальной школе. Однако Стивен Хокинг, по-видимому, не смог ничего выиграть от считавшихся тогда прогрессивными концепций обучения. «Помню, я жаловался своим родителям, что учеба там мне ничего не дает, — писал он. — Преподаватели школы не верили в традиционные методы обучения. Ученики должны были освоить чтение, не замечая, что их этому научили. Наконец, я все же научился читать, но только тогда, когда мне уже исполнилось восемь лет» (EiT: 13).

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Несмотря на это, в семье считали, что Стивен очень любознателен и обладает богатой фантазией. Он всегда что-то рассказывал, а иногда, когда слова уже не успевали за мыслями, начинал заикаться. Друзья семьи знали о его речевых затруднениях, да и отец Стивена Фрэнк заметно шепелявил. Благожелательная интерпретация этих особенностей привела к тому, что многие стали считать их признаком чрезмерно высокого интеллекта отца и сына. Других же, относящихся к ним не столь уважительно, «язык Хокингов» забавлял (Bio: 19).

Появление на свет сестры Мэри, которая была на полтора года младше, видимо, очень взволновало Стивена. Он ощутил острое чувство превосходства над маленькой сестричкой. Натянутые отношения Стивена и Мэри наложили отпечаток на все их детские годы. Лишь повзрослев, они стали лучше относиться друг к другу. Намного спокойнее и доброжелательнее пятилетний Стивен принял рождение своей второй сестры Филиппы. С самого начала он относился к ней просто великолепно и считал, что она гораздо умнее, чем он. Филиппа считалась в семье артистической личностью, в то время как двое старших детей были скорее склонны к естественным наукам. Эдварда усыновили в младенчестве, когда Стивену было уже четырнадцать лет. Впоследствии он занялся строительным бизнесом, а Мэри, к радости отца, пошла по его стопам и стала врачом.

После войны Фрэнк Хокинг руководил отделением паразитологии в лондонском Национальном институте медицинских исследований. В 1950 году институт размещался в новом здании в Милл-Хилле, районе на окраине Лондона. Возникла необходимость в переезде, и Хокинги купили просторный дом в небольшом городке Сент-Олбансе. Этот переезд имел свои преимущества и для Стивена. Теперь он стал ближе к своей любимой кухне Саре, которая жила в соседнем Харпендене со своей матерью Дженни Хамфри, сестрой Изабель.

В тихом мелкобуржуазном городке Хокингов считали эксцентричными. Для школьных друзей Стивена открывался незнакомый мир, когда они слушали мощные звуки опер Вагнера, разносящиеся по дому, или видели, как кто-либо из членов семьи погружался за ужином в чтение книги.

Хокинги жили в условиях строжайшей экономии, стараясь минимизировать траты, а ведь нужно было содержать в полном порядке дом, постоянно нуждавшийся в ремонте. Чтобы укрепить шаткий забор, приходилось довольствоваться наполовину прогнившими рейками. Хокинги не могли позволить себе центральное отопление, не говоря уже о новой машине. Их более зажиточные соседи посмеивались, глядя на очень дешево доставшийся Хокингам автомобиль из лондонского таксопарка довоенного времени — эта выдавшая виды машина стояла в сооруженном руками Фрэнка гараже из гофрированного листа (EiT: 18).

ОТЦЫ — ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Каждую зиму Фрэнк Хокинг отправлялся на три месяца в Африку заниматься исследованиями в области тропической медицины. Неудивительно, что у сестры Стивена Мэри создалось впечатление, что «папы — как перелетные птицы. На Рождество они дома, а потом исчезают и появляются вновь, когда становится тепло» (SHW: 27). Отсутствие отца дети воспринимали как нечто само собой разумеющееся, поэтому они были скорее склонны считать присутствие отцов в других семьях зимой отклонением от нормы.

Когда встал вопрос о том, в какой школе продолжать учебу старшему сыну, Фрэнк сразу решил — только в частной. Стивен легко сдал приемный экзамен в школе Сент-Олбанса. Поначалу он не проявлял никаких незаурядных способностей. Изабель даже забеспокоилась. Казалось, с интеллектом у сына все в порядке, зато никакого честолюбия! Из-за своего

скверного почерка ему приходилось регулярно вести тетрадь по чистописанию. Один из его бывших одноклассников вспоминает (SHW: 35f): Стивен принадлежал к тем, кого донимали под душем и последним брали в футбольные команды, что, однако, его нисколько не беспокоило. Двое из его друзей поспорили на пакет конфет, что из него не получится ничего толкового. После выхода в свет книги «Краткая история времени» Хокинг этот эпизод своей биографии прокомментировал так: «Не знаю, как разрешился тот спор и кто в нем выиграл» (EiT: 20).

Но у Фрэнка Хокинга была высокая цель, и, несмотря ни на что, он хотел дать своему сыну возможность посещать частную школу, пользовавшуюся хорошей репутацией. Поэтому он уже нацелился на Вестминстерскую школу — одну из лучших в стране. Правда, обучение в ней стоило дорого, а потому Стивену обязательно нужна была стипендия. Когда наступил день сдачи экзамена на стипендию, Стивен лежал больной, и тема Вестминстерской школы была тем самым закрыта. Так Стивен остался в сент-олбанской школе.

Позже стало ясно, что она была очень хорошей и вполне отвечала требованиям и отца, и сына. На третий год учебы Стивен, всегда производивший впечатление неуклюжего увальня, наконец-то вошел в элитный круг самых умных учеников. Его даже прозвали «Эйнштейном». Ребятам повезло — физику в школе преподавал молодой и прогрессивно мыслящий учитель мистер Финлэй. Он знал, как развлечь мальчиков в возрасте пубертации — к примеру, давал прослушать магнитофонные записи острых радиопередач и обсуждал с ними животрепещущие темы, такие как ядерное разоружение и контроль рождаемости.

Между тем у Стивена появились друзья, с которыми он регулярно встречался. Молодые люди болтали о Ги де Мопассане, обсуждали последние романы Олдоса Хаксли и Уильяма Голдинга и вместе внимательно слушали музыкальные программы Би-би-си. Во второй половине пятидесятых годов, когда рок-н-ролл уже давным-давно занял прочные позиции в Англии, они упивались венской классикой. Между совместным выполнением домашних заданий и изготовлением более или менее работающих моделей самолетов юноши говорили о религии и смысле жизни.

Особое пристрастие Стивен питал к настольным играм. Обычная игра в «Монополию» с сестрой Мэри быстро ему наскучила. Чтобы усложнить игру, он начертил на доске новые линии и придумал дополнительные правила (SHW: 40). Но что такое скучная настольная «Монополия» по сравнению с начертанным им самим игровым полем на картоне с четырьмя тысячами квадратов, на которых можно заставить воевать целые армии! Стивен продолжал выдумывать все более невероятные игры и разрабатывал все более сложные правила, в его играх работали заводы, фабрики, а на рынок ценных бумаг выпускались соответствующие акции. «Династия» — так он назвал рыцарскую игру, в которой каждый игрок представлял собственную династию с родословным древом. Мэри ее ненавидела, так как ей никогда не удавалось выиграть, в то время как Стивен, побеждая, торжествовал и ликовал. Он очень серьезно относился к своим играм. Некоторые из них, с помощью которых ему удавалось завладеть вниманием его лучших друзей, продол-

жались более пяти-шести часов, а то и всю неделю. Игры привлекали Стивена как способ понять суть вещей и их взаимосвязи.

ВЫДАЮЩИЙСЯ МАТЕМАТИК — ЕФРЕЙТОР-СВЯЗИСТ

Уроки физкультуры и обязательную игру в регби в субботу после обеда низкорослый Стивен переносил со стоическим терпением, но военную подготовку, которая была частью учебного плана почти во всех частных школах Англии, он ненавидел. Тех, кто отказывался в униформе ползать по-пластунски по льду, бегать под снегом и дождем и подчиняться командам одноклассников, заставляли заниматься тяжелым физическим трудом, удовлетворяя пристрастие директора к классическому средневековью и внося свою лепту в сооружение греческого театра на территории школы. Стивен выступил против кирки и лопаты и в качестве «ефрейтора» стал в строй связистов, куда, как правило, попадали спортивные бездари и юные дарования, любители естественных наук.

В возрасте четырнадцати лет у него возник конфликт с отцом. В оставшиеся два года учебы, задачей которых была подготовка к университету, он хотел сосредоточиться на математике и физике. Да и его учитель математики заметил, что Стивен мог бы добиться высочайших успехов по этому предмету, не прилагая никаких особых усилий. Однако Фрэнк Хокинг мечтал о том, чтобы сын стал врачом и поэтому пытался уговорить его заняться биологией. Но Стивен настаивал на своем. Для него это был также и вопрос честолюбия — он знал абсолютно точно: юноши с самым высоким уровнем интел-

лекта выбирали математику и физику. Биология была для него слишком описательной и недостаточно фундаментальной. После жарких дебатов отец и сын пришли к компромиссу: в последний учебный год Стивен пройдет дополнительный курс по химии. (Отец надеялся, что Стивен еще сможет вернуться к медицине.) Итак, вопрос об окончательном выборе учебной дисциплины был отложен до следующего года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)